

“Зрителю по горло надоело все знать заранее”

Оскарас Коршуновас — Газете

В берлинском Hebbel-Theater состоялась мировая премьера спектакля «Ромео и Джульетта» в постановке известного литовского режиссера Оскараса Коршуноваса, который дал эксклюзивное интервью корреспонденту Газеты Ольге Гердт.



Входящий в обойму лучших европейских режиссеров поколения тридцатилетних Оскарас Коршуновас считает себя «режиссером города Вильнюса» Фотограф: Владимир Луповской

«Ромео и Джульетту» ставят все кому не лень. Как получилось, что и вас, особенно после такой радикальной пьесы, как «Огнеликий» Майенбурга, вдруг повело в эту сторону? Наверное, именно «Огнеликий» и толкнул меня на эту мысль. Ведь проблематика та же: и в пьесе Майенбурга, и в пьесе Шекспира любовь сталкивается с традицией. Просто традиции, о которых речь идет в шекспировской пьесе, нам более понятны. Социальные традиции, с которыми сталкивается любовь Курта и Ольги в «Огнеликом», кажутся менее типичными. Хотя это странно — мы живем во времена этих нравов.

Нетипичной в «Огнеликом» кажется скорее любовь Ольги и Курта. То есть инцест. А в «Эдипе» (последний спектакль Коршуноваса. — Газета) что? Мы странно все-таки смотрим: «Огнеликого» все воспринимают как скандальное произведение, потому что там есть инцест, а в «Эдипе» вроде как все нормально и хорошо. А там ведь все намного страшнее и инцест не такой детский, как в «Огнеликом».

И все-таки удивить традиционной шекспировской пьесой трудно. Я думаю, это будет очень динамично по форме. «Ромео и Джульетта» — немножко юбилейный спектакль. Нашему театру исполняется пять лет. Актеры накопили опыт работы с разной драматургией, начиная с того же Шекспира, «Сна в летнюю ночь», «Мастера и Маргариты» Булгакова и заканчивая современными пьесами Сары Кейн, Томаса фон Майенбурга. Я думаю, мы уже подготовлены к материалу, который вмещал бы в себя очень много. А «Ромео и Джульетта» — именно такая пьеса. Да и тема мне очень интересна.

Конфликт поколений?

Мне часто говорят, что это тема моих спектаклей. Вот и вы спросили. Но речь скорее идет о конфликте творчества и традиций, любви и закона. Ребенок, чтобы понять мир, должен сотворить его, но вдруг он сталкивается с уже созданным миром, с той системой законов и традиций, которую он не знает. Не совсем правильно говорить, что это проблема отцов и детей. Творчество — тоже, наверное, не совсем то слово... (Кричит по-литовски кому-то из знакомых, как перевести, ему отвечают «творчество».) Ну вот, да, творчество все-таки.

Я понимаю, речь идет о креативности. Да, я это понятие и имею в виду. А в «Ромео и Джульетте» тема креативности очень важная и наиболее отчетливо выраженная. Мы шли к ней давно и через очень разный материал. В «Ромео» есть мир традиций взрослых, и есть молодые люди, которые приходят и хотят понять: где они живут? Эта воля — понять — и становится их творчеством.

Их поступки рождают любовь, и она сталкивается с традицией. Мы в спектакле создаем некую видимость этой традиции, она у нас немножко выдуманная, но нас интересует сам механизм — что такое Монтекки и Капулетти? На каком принципе они стоят? А принцип актуальный до сих пор и очень простой: чтобы себя идентифицировать, надо создать различия. А как их создать? Материализовать врага. Создать кого-то, кто не ты. Ненависть к другому становится традицией. Монтекки и Капулетти уже не знают ее истоков, не знают, откуда она идет: есть она — и все, и по-другому они не могут уже и жить. Без ненависти они не будут знать, кто же они такие. Идентификация, самоутверждение через установление различий между людьми — принцип страшный и жестокий. Он действовал в те времена, действует и сейчас. Традиция ненависти идет не от внутреннего понимания справедливости, и это не эмоциональный момент — это просто схема, она создается механически. Но это неправильная схема.

Она неправильная, но она существует. И искажает реальность. Когда Джульетта на балконе говорит: «Ну почему же твоё имя Ромео?» — это большое прозрение. То, до чего не могут дойти ни Монтекки, ни Капулетти, ни священник даже — люди, которые ставят все в имена и выдумывают имена. Сцена на балконе для меня даже не сцена любви, а сцена просветления, прозрения. Джульетта вдруг видит настоящий мир, в котором имена Монтекки и Капулетти ничего не значат. Чтобы понять, что случилось, ей необходимо волевое действие — действие ее духа, и с этого момента начинается ее творчество. И тут она сталкивается с традицией дефиниций. Эта тема мне кажется самой важной. Не любовь даже. Любовь... это, конечно, да, без нее ничего не происходит, это все ясно, но дело в том, что эти молодые люди прозревают, и не только... как это русское слово... эмоционально. Они сотворили новый мир, им в нем жить, и вдруг они сталкиваются с искаженной реальностью. Разве это конфликт поколений?

В «Огнеликом» молодой человек со старым миром обращается радикально: просто поджигает его и сжигает. Ромео и Джульетта — умирают. Получается, прозрения молодости обречены? Но они что-то сдвигают, мир меняется. Ромео и Джульетта умирают — и нет уже Вероны, которая стояла на противостоянии. Ведь противостояние было жизненно важной спиралью для всей структуры этого города — и социальной, и экономической. Не остается Монтекки и Капулетти, со смертью Ромео и Джульетты кончается не только традиция ненависти, но и клан: все, больше детей нету, все погибают.

Когда вы начинали, было что-то, на что вы смотрели в театре и говорили себе: